

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	7
Предисловие	9
Глава 1. Кандалы альтруизма	13
Глава 2. Уловка «Чучело»	27
Глава 3. Нравственные принципы и их враги	43
Глава 4. Миф об «интересах общества»	69
Глава 5. Альтруизм и права человека	95
Глава 6. Смирительная рубашка коллективизма	123
Глава 7. Черная дыра альтруизма	169
Глава 8. Истинная цель самопожертвования	179
Глава 9. Выбор в пользу жизни	195
Примечания	205

ПРЕДИСЛОВИЕ

В основе любого цивилизованного общества лежат понятия добра и зла. Во все времена среди нас жили и преступники, и просто плохие люди, но они всегда были исключением, поскольку не определяли общую культурную парадигму. Общество, изначально отвергающее нормы морали, быстро распадается, превращаясь в сборище головорезов, воюющих друг с другом. Именно поэтому должен существовать базовый, общепринятый нравственный закон, пускай даже при наличии серьезных разногласий относительно инструментов его реализации. В нашем обществе таким законом является альтруизм.

Всякий раз, когда раздаются торжественные призывы помогать бездомным, сохранять систему социальной защиты, сокращать разрыв между бедными и богатыми, — всякий раз запускается наша внутренняя установка на самопожертвование. Кто-то откликается с готовностью, кто-то — скрепя сердце, а кто-то остается безучастным. Но при этом все без исключения уверены в правильности навязываемой установки. Несогласные испытывают чувство вины и всячески изворачиваются, придумывая оправдания для своей глухоты. И лишь единицы решаются бросить вызов, усомнившись в правильности подхода, согласно которому чужие интересы оказываются важнее наших личных.

Эта книга объясняет правомерность их скепсиса.

Работая над ней, я ставил перед собой задачу изменить представления читателей об альтруизме и эгоизме. Речь идет

не только о переоценке этих понятий. Мне бы хотелось донести до вас, что же на самом деле за ними стоит. Взять, к примеру, наши обывательские представления об альтруизме.

- Альтруизм помогает строить гармоничное общество.
- Альтруизм — проявление лучших человеческих качеств, таких как честность и порядочность.
- Общественные интересы несовместимы с личными.
- Без альтруизма невозможна любовь и дружба.
- Самопожертвование — безальтернативная модель нравственного поведения.

А вот как мы представляем себе эгоизм.

- Эгоизм — модель поведения человека-хищника. Все мошенники и негодяи — эгоисты.
- Эгоистов интересует только личное обогащение.
- Вредная и некачественная продукция — следствие эгоизма производителей.
- Преследование личных интересов требует отказа от нравственных ценностей.

Все перечисленные положения ошибочны. Цель этой книги — развеять иллюзии. Основываясь на теории и примерах из жизни, мы попытаемся доказать полную несостоятельность альтруизма. Мы разоблачим всех его поборников, начиная от либералов с их призывами к самопожертвованию ради «обездоленных» и кончая консерваторами, стоящими на страже сложившихся в обществе традиций. Ведь ни у тех, ни у других нет достаточно веских аргументов в пользу альтруизма. Книга изобилует яркими примерами, наглядно демонстрирующими, что постоянно возникающие в нашем социуме проблемы — следствие не столько отсутствия альтруизма, сколько повсеместного его насаждения.

В этой работе я предлагаю альтернативу альтруизму — честную и разумную этическую установку, способную обеспечить баланс интересов разных людей. В основе моих рассуждений лежат этические принципы Айн Рэнд, сформулированные в ее теории разумного эгоизма.

В нашем обществе царит убеждение, что забота о собственном благополучии — свидетельство моральной ущербности, а самопожертвование приравнивается к добродетели. Книга, которую вы держите в руках, — приглашение серьезно поразмыслить над этим.

ГЛАВА 1

КАНДАЛЫ АЛЬТРУИЗМА

Да, я защищаю эгоизм.

Но давайте разберемся, от чего именно я его защищаю.

Люди спорят о самых разных вещах: о существовании Бога, о свободе воли, о превосходстве капитализма над социализмом и о том, распространяются ли права человека на внутриутробный плод. Но при почти никто не задумывается о моральной состоятельности самопожертвования. Принято считать, что жертвовать собой ради других — высоконравственно. Альтруизм рассматривается как нечто безусловно правильное и само собой разумеющееся. Деяния во благо других считаются добродетелью — в отличие от действий, предпринимаемых в личных интересах. Даже те, кто готов отступить от этических канонов, убеждены: хочешь прослыть порядочным человеком — будь альтруистом. Усомниться в непреложности альтруизма — все равно что думать, будто земля плоская.

Но почему, собственно, в этом нельзя усомниться?

Считается, что альтруизм блокирует агрессию, и что только благодаря этому мы не уподобляемся жестокому варвару Атилле, так любившему размахивать мечом. Нам твердят, что мы не должны идти к своей цели напролом, а обязаны уважать

чужие права. Альтруизм якобы не дает нам перегрызть друг другу глотки, и вообще это путь к справедливому и гармоничному обществу.

Но не ведет ли альтруизм в прямо противоположном направлении?

Только вздумайте, чему нас учат поборники этой этической модели: они требуют от нас полного подчинения! Каждый свой шаг мы должны сверять с чужими проблемами, ставя их выше собственных. Мы обязаны заботиться о тех, кто беднее нас. Неважно, каким потом и кровью достались *вам* ваши денежки, — всякий раз, когда вы тратите их на себя, а не на других (которым всегда чего-то не хватает), вы поступаете безнравственно. Чтобы прослыть альтруистом, нужно поделиться своим богатством, забыть о собственных интересах и пересмотреть жизненные установки. Если у вас больше денег, чем у других, вы в долгу перед «нуждающимися». Свою жизнь вы должны полностью подчинить служению другим. Проще говоря, вас призывают добровольно отдать себя в рабство.

АЛЬТРУИЗМ КАК ФОРМА РАБСТВА

Вот несколько примеров из жизни.

Предположим, вы серьезный, старательный старшеклассник. Вы прилежно учитесь, чтобы получать хорошие отметки и поступить в престижный колледж. В свободное время вы подрабатываете, чтобы иметь деньги на карманные расходы. Но во многих школах старшеклассников любят на прощание помучить всякого рода «общественными нагрузками». И вот в один прекрасный день вам заявляют, что вы думаете только о себе, а это безнравственно. Если вы не отвлечетесь от учебы и не забудете о планах на будущее, чтобы немного поработать

в больнице, вынося горшки за лежащими больными, не видеть вам хороших отметок как своих ушей.

Или, допустим, вы дантист. В стране растет количество больных СПИДом. И вот однажды к вам приходит пациентка и с порога объявляет, что страдает этим заболеванием. Боясь заразиться, вы предлагаете ей покинуть помещение и обратиться в специализированную клинику. Но возмущенная женщина подает в суд, заявляя, что все люди, в том числе и ВИЧ-инфицированные, имеют равные права на медицинское обслуживание. Разве больные СПИДом не могут обратиться к зубному врачу? И суд принимает сторону истицы, а вам популярно объясняют, что вы обязаны обслуживать всех пациентов без исключения, не заботясь о собственной безопасности.

Еще пример. Вы — молодой талантливый спортсмен, и ваша команда выигрывает турнир. Но, скорее всего, ни вы, ни ваши товарищи не получите персональных наград. Призы выдадут всем участникам соревнований — просто за участие. При этом истинных героев намеренно обойдут, чтобы не обидеть слабых игроков. Но этого мало. Одна молодежная хоккейная лига объявила, что, если в команде есть блестящий игрок и поэтому она «слишком часто» выигрывает, ее могут вообще не выпустить на лед, пока она не «придержит» этого игрока. «У нас такое правило, — говорят руководители лиги. — Все команды должны иметь одинаковое количество побед и поражений»². Что ж, это правило полностью соответствует альтруистическому подходу. Оно отрицает дух соревнования, подменяя его уравниловкой, т. е. одинаковой оценкой разных результатов. Вам предлагают отказаться от личного вклада в победу, перестать радоваться и слиться с серой массой, не способной побеждать. В вас горит огонь триумфатора, но вы должны пожертвовать собой ради середнячков.

В отношениях с людьми альтруизм требует от вас не великодушия, ведь оно — вещь *добровольная*. Это своего рода *дар*.

Альтруизм требует выполнения морального долга, причем *против вашей воли*.

Вот еще один пример. Допустим, у вашего соседа сгорел дом. Даже *не будучи альтруистом*, вы накормите беднягу, предложите ему горячего чаю, дадите одеяло и пустите переночевать. Понимая ценность *своей* жизни и будучи *человеком*, вы считаете, что так же поступили бы и другие, в том числе незнакомые вам люди, поскольку справедливо полагаете, что они устроены так же, как вы, и, соответственно, разделяют ваши базовые ценности. Следовательно, в определенных ситуациях мы готовы искренне и по собственной воле прийти на помощь людям — и вовсе не потому, что априори кому-то обязаны. Ваши деньги остаются вашими деньгами, ваше время — вашим личным временем, но вы великодушно тратите и то и другое, потому что хотите помочь, не требуя за это благодарности. При этом, не будучи альтруистом, вы не обречете себя на голод, отдав последний кусок хлеба, чтобы накормить досыта соседа-погорельца. И вы не лишите собственных детей крыши над головой, чтобы предоставить кров чужим бездомным детям. И уж конечно вы не станете помогать тому, кто этого *не достоин*, — например, соседу-алкоголику, в пьяном угаре спалившему свой дом (ведь он мог бы спалить заодно и соседний, т. е. ваш).

«Нет, не так, — возражают поборники альтруизма. — Это не ваши деньги и не ваше время. Все это принадлежит не вам, а нуждающимся». Альтруисты требуют делиться с ними, даже если мы не можем себе этого позволить. «Поделиться с голодным — значит проявить доброту, но отдать ему последнее, когда ты сам так же голоден, как и он, — значит проявить истинное милосердие»³. Это высказывание приписывают Махатме Ганди. Но почему голодный должен пожалеть другого голодного вместо того, чтобы самому поесть на последние деньги? Кодекс альтруиста гласит: потому, что у него нет выбора. Он просто *обязан* жить ради других. Он должен позволить этим другим

распоряжаться своими средствами, невзирая на его собственное бедственное положение.

Не знаю, как назвать такой подход, но едва ли он может привести к любви и гармонии в человеческих отношениях.

В мире, где во главу угла поставлено самопожертвование, само наличие чужой потребности — неопровержимый аргумент. Поэтому будьте готовы к тому, что придет и ваш черед платить по счетам, отодвинув на задний план собственные представления о жизни. Вот вам еще несколько невыдуманных «альтруистических» историй.

- Студент экономического колледжа, предположительно страдающий дискалькулией (неспособностью к счету), требует, чтобы его освободили от курса лекций по специальности. Преподаватели пытаются возражать, но Министерство образования США издает специальное распоряжение, требующее удовлетворить требования студента⁴.
- Выпускница юридического факультета университета три раза подряд проваливает вступительные экзамены в коллегия адвокатов. При этом она утверждает, что все дело в незначительных нарушениях способности к чтению и письму, и подает в суд, требуя, чтобы ей предоставили неограниченное время для выполнения задания и стенографистку, которая записывала бы ее ответы под диктовку. Суд признает требования истицы правомерными и выносит постановление о выплате компенсации за моральный ущерб⁵.
- Президент Нью-Йоркского отделения Национальной федерации слепых критикует работников авиакомпаний за то, что они стараются предоставлять незрячим пассажирам места подальше от аварийных выходов. По его мнению, такая «дискриминация» «превращает слепых в людей второго сорта»⁶. В результате Сенат выносит на рассмотрение

соответствующий законопроект. Иными словами, потребности слепых ставятся выше всех других соображений, в том числе касающихся безопасности полетов.

Во всех перечисленных случаях решения принимались на основе альтруистического подхода, предполагающего заботу о тех, кто слабее. Как бы при этом ни страдали остальные, возражения были бесполезны. Помогите слабому — вот нравственный императив.

ИЗВРАЩЕННОЕ ПОНИМАНИЕ ПОНЯТИЯ «ПОТРЕБНОСТЬ»

Вы можете задать резонный вопрос: если нужно помогать тем, кто в чем-то нуждается, то как же мои собственные потребности? Почему заботиться о чужих нуждах — хорошо, а о своих — недопустимо?

Получается, что ВИЧ-инфицированная пациентка имеет право обращаться к любому дантисту, подвергая его опасности заражения СПИДом. Почему альтруистический подход не учитывает потребности врача? Почему, чтобы слабые хоккеисты почувствовали свою значимость, нужно «придерживать» лучших игроков? А как же парни, которые хотят играть честно? Возможно, у них нет выдающихся способностей, зато есть спортивный азарт, так пускай проигрыш или победа будут настоящими. Или вспомним студента с дискалькулией, требующего, чтобы преподаватели пошли ему навстречу. Но как быть способным студентам, предпочитающим прилежно учиться, а не получать хорошие отметки за выполнение «общественных работ»? Ведь они вовсе не требуют, чтобы им занизили планку. Почему дипломы превращаются в предмет торга, в фикцию? Представьте, каково придется будущим работодателям, когда к ним явятся горе-выпускники, которым хорошие отметки ставили

не за учебу, а за уход за больными. По каким критериям они будут оценивать соискателей? Почему потребности одних окажутся важнее потребностей других?

Дело в том, что в рамках альтруистического подхода истинной потребностью считается лишь та, удовлетворение которой *требует от других самопожертвования*.

Если вы удовлетворяете свои потребности самостоятельно, альтруистам нет до них никакого дела. Вы берете на себя ответственность за собственную жизнь, упорно работаете, вступаете в деловые отношения, совершаете взаимовыгодный обмен, — но альтруистов не интересуют ваши нужды. Но если вы не в состоянии выполнить свои обязательства в рамках равноценного обмена, если вы хотите, чтобы кто-то другой кормил вас (потому что не хотите работать сами), — вот тогда альтруисты объявят, что помочь вам — святое дело.

Вспомните приведенные выше примеры. Дантист не требовал от пациентки никакой жертвы. Он не мог договориться с ней о равноценном обмене и просил оставить его в покое. Он не требовал от нее ничего такого, *чего бы у него уже не было*. Он просто хотел оградить себя от опасности заражения, и это была его насущная потребность. Дантисту ничего не надо было от этой женщины. А та требовала от врача жертвы, желая воспользоваться его знаниями и умениями на условиях, которые представлялись ему совершенно неприемлемыми. Женщине нужно было попасть к врачу, и тот обязан был уступить. Согласно принципам альтруизма, требования пациентки были обоснованы, а потребности врача можно было не принимать в расчет.

Та же история и с сильными игроками хоккейной лиги. Их потребность состояла в желании соревноваться. Они хотели видеть результат своих усилий, и для этого никому не нужно было жертвовать собой. В нормальном спорте нет места альтруизму. Проигравший не считается жертвой, если его разбили в пух

и прах. Ведь вы же не станете красть чужую машину просто потому, что у вас нет своей, и при этом не будете считать себя жертвой. Так же и в спорте: проигравший не достоин победы, потому что он ее не заслужил. Победители *заслуживают* победы, и вот поэтому-то альтруисты не принимают во внимание их потребности. А вот если слабый игрок захочет незаслуженной победы — не по праву справедливости, а по праву жалости (пусть сильному противнику запретят бороться), — такую потребность альтруисты немедленно удовлетворят. Сильный должен пожертвовать собой. Победителей просят не беспокоиться. И кто же просит? Слабаки. Они ничего не заслужили, просто им *нужна* победа.

Просто нужна, и все. А значит, с точки зрения альтруистов, эта потребность реальна.

Студенты, требующие незаслуженных отметок, слепые авиапассажиры, желающие сидеть возле аварийных выходов (вопреки правилам безопасности полетов, требующим, чтобы там сидели люди, способные в экстренной ситуации открыть двери), — именно таких людей опекают альтруисты. Трудолюбивые студенты, готовые получать отметки за знания, а не за «общественные работы», или авиапассажиры, заплатившие деньги за билеты и рассчитывающие благополучно приземлиться, их не интересуют. Альтруисты считают их эгоистами — ведь они ни от кого не требуют жертв.

Альтруисты делят людей на две категории: на тех, у кого есть потребности, и тех, кто может и должен эти потребности удовлетворять.

При этом альтруисты не берут на себя труд (да-да, можете забыть об этом) сравнить потребности первых и вторых и посмотреть, чьи более насущны. Дело даже не в том, что по законам альтруизма потребность ВИЧ-инфицированных в медицинском обслуживании более серьезна, чем желание врача избежать опасности заражения. Нет, альтруисты мыслят иначе. Вам просто

скажут, что потребность пациента в данном случае — единственная действительно насущная, потому что для ее удовлетворения требуется уступка со стороны врача. А поскольку чужая потребность важнее собственной, всякий, кто может поделиться или уступить, просто обязан это сделать.

Понимаю ваше недоумение. Вы хотите спросить: ну почему, почему отдавать свое, честно заработанное, другим, чтобы им было комфортно, — это добродетель, а думать о собственном комфорте — вопиющая непорядочность? Почему все, чего мы достигли в этой жизни, становится удавкой на нашей шее? Почему мораль требует, чтобы мы страдали ради *других*?

Никто не говорит, что мы не должны помогать людям, попавшим в беду. Пусть нам не морочат голову, будто речь об этом. Мы имеем в виду совсем другое. Почему мы вечно кому-то обязаны? Почему мы не имеем права распоряжаться собственной жизнью и почему ею распоряжается любой «нуждающийся»? Почему мы не можем жить для себя? Почему единственным смыслом нашего существования должно стать удовлетворение чужих потребностей?

Альтруизм требует от нас самопожертвования, даже если мы не виноваты в проблемах других людей. Не имеет значения, что эти другие, возможно, сами создали себе проблемы. Принимается во внимание лишь сам факт наличия потребности, независимо от причины, ее породившей. Если человек получает талоны на питание и целыми днями листает программки скачек, раздумывая, на какую лошадь поставить (вместо того чтобы просмотреть объявления работодателей); если шестнадцатилетняя деваха, бросившая школу, требует, чтобы ей дали более просторную квартиру (потому что она беременна третьим ребенком); если бездомный бродяга просит милостыню (чтобы купить порцию крэка), — даже в этих случаях мы обязаны помогать «нуждающимся», хотя, разумеется, прекрасно понимаем, что они этого не заслуживают. Тем более унизителен сам факт такого

самопожертвования. Чем больше вы жертвуете, тем быстрее растут аппетиты принимающих жертву, и тем более назойливо звучит альтруистический императив. И конца этому не видно.

Альтруисты сочувствуют вовсе не тому, кто стал невинной жертвой обстоятельств, а, напротив, тому, кто сам виноват в своих бедах и не вызывает никакой симпатии. Но «обездоленному» что-то очень нужно, и все тут. Альтруисты принимают в свои объятия именно таких персонажей.

В штате Калифорния была жестоко изнасилована, а потом задушена двадцатилетняя девушка. Когда закончился судебный процесс, родители жертвы, Боб и Голден Бристоль, подошли к убийце и обняли его со словами: «Вы сложный человек, но мы любим вас всем сердцем». Судья, только что приговоривший злодея к пожизненному заключению, сказал, что еще не встречал более жестокого человека. В ответ готовая к всепрощению парочка, явно поклоняющаяся богу по имени Альтруизм, заявила: «Мы считаем его достойный человеком <...> не за то, что он совершил, а потому, что в будущем он может исправиться»⁸. По всем законам справедливости и в память о погибшей дочери Бристоли должны были бы проклясть негодяя, отнявшего самое дорогое, что у них было. Но альтруизм диктовал другое, требуя думать не о собственных ценностях, а о нуждах убийцы.

Чем более отвратителен «нуждающийся», чем труднее идти на жертвы ради него, тем больше ваш долг перед ним. Этот альтруистический принцип присутствует и в Библии: подставь другую щеку, возлюби врага своего... Но наша природа такова, что любить врагов труднее, чем друзей. А возлюбить врага, который желает вам зла, да еще говорить ему за это спасибо, — это просто высший пилотаж.

И еще одно подтверждение того, что альтруизм правит нами как настоящий тиран.

ВСЕПРОНИКАЮЩИЙ АЛЬТРУИЗМ

Но, может быть, приведенные выше примеры — исключение из правила? Ведь большинство из нас в повседневной жизни не стремятся быть альтруистами и не являются ими. Да и количество богатых в нашей стране свидетельствует о том, что мы стремимся подражать скорее Биллу Гейтсу, чем матери Терезе. К чему же тогда все эти разговоры о всепроникающем альтруизме?

Дело в том, что апологетами альтруизма выступают даже те, кто его не практикует.

Нарушение заповеди — это еще не вероотступничество. Действительно, большинство американцев мечтают разбогатеть. Тем не менее внутри каждого из них сидит маленький альтруист и нашептывает им на ухо, что это желание постыдно. Мы живем, как хотим, а не как должно, мы постоянно нарушаем кодекс альтруизма, но при этом считаем его безусловно правильным, ни на секунду в этом не сомневаясь. Законы альтруизма — как кандалы на ногах: с ними мы вряд ли доберемся до заветной цели и никогда не станем новыми биллами гейтсами.

Но обратим свой взор на самого Билла Гейтса. Прежде чем стать мультимиллиардером, он немало потрудился. Но чем же он гордится больше всего на свете? Вовсе не тем, что создал великолепную линейку продуктов и открыл пользователям гаджетов новые горизонты и краски жизни. На самом деле сегодня главное детище Билла Гейтса — это его благотворительный фонд. Гейтс призывает всех последовать его примеру и стать такими же рыцарями-филантропами. Оказывается, если судить с точки зрения морали, вся прибыль от Microsoft — результат корыстной деятельности.

Отец Билла, сэр Уильям Гейтс-старший, — сопредседатель благотворительного фонда Responsible Wealth, членами которого являются самые богатые люди Америки, такие как Уоррен

Баффетт, Тед Тернер и Джордж Сорос. Когда прозвучало предложение отменить налог на наследуемое имущество, миллиардеры тут же выступили против этого. Они хотят, чтобы государство прессовало нас еще сильнее, а они могли жертвовать еще больше. Господа из Responsible Wealth считают, что мы не имеем права завещать состояние кому хотим. Его надо отдавать государству, а оно уж разделит все по справедливости и облагодетельствует нуждающихся⁹.

Большинство людей, активно работающих ради личных интересов, хоть и с неохотой, но все же соглашаются с утверждением, что имущие должны служить неимущим. Как и прежде, самопожертвование считается высочайшим проявлением гуманизма. Мы упорно продолжаем нарушать заповеди альтруизма, но вместо того, чтобы стукнуть кулаком по столу, занимаемся самобичеванием. Так верующие грешат и каются. Мы хотим стать такими, как Билл Гейтс, но нашим нравственным идеалом остается мать Тереза. С ног до головы мы связаны путами вины, и нет узлов крепче тех, которые завязываем мы сами. Чем больше мы сокрушаемся из-за того, что не соответствуем нравственным идеалам, тем сильнее затягивается на нашей шее удавка альтруизма.

Мы еще дергаемся, но никто не смеет публично бросить вызов альтруизму. Мы и рады бы разорвать этот контракт, но не публично, не во всеуслышание, а как-нибудь украдкой, без свидетелей. Если нас упрекают в эгоизме, нам нечего ответить, мы молчим. А уж если само государство требует от нас самопожертвования, об открытом противостоянии не может быть и речи.

На каждом шагу мы слышим один и тот же призыв: будьте альтруистами.

Чем занимаются государственные служащие? Отнимают у одних, чтобы отдать другим. Наши налоги идут на субсидии фермерам Небраски, чтобы те могли выращивать кукурузу; Нью-Йоркской подземке, чтобы та не отменяла пригородные

маршруты; нефтеперегонным заводам Иллинойса, чтобы те могли наращивать мощности по производству этанола; художникам из Сан-Франциско, чтобы те могли устраивать выставки своих не поддающихся описанию работ и т. д. и т. п. Наши налоги идут на реабилитацию наркоманов, на центры социальной адаптации, на сотовую связь, на ипотеку, на новые теннисные корты и авиаперевозки в сельской местности. А еще наши налоги в виде «помощи» уплывают в слаборазвитые страны. Их авторитарные правители, придушившие у себя на родине последние ростки политической свободы (той самой свободы, которая есть у нас и которая обеспечила наше благосостояние), тоже претендуют на наши денежки. Почему власти им потворствуют? Причина первая: у нас есть деньги, а у них — нет. Причина вторая: им просто нужны деньги.

Наши государственные деятели приветствуют такой подход. Остается только гадать, почему граждане это терпят. Почему мы молчим? Да потому, что находимся во власти альтруистических иллюзий. Разве нам не на что потратить деньги, которые у нас отбирают? Но альтруисты говорят, что надо довольствоваться духовными ценностями. А наши деньги должны быть потрачены на нужды других.

Люди сомневаются в эффективности этого подхода, но никто не подвергает сомнению его *моральную состоятельность*. Если есть цель и средства, то критиковать следует *цель*. Вы когда-нибудь слышали, чтобы кто-то открыто выступил против самой идеи самопожертвования? Нет, все молчат. И все потому, что наше общество насквозь пропитано альтруизмом.

Чем слуга отличается от хозяина? Тем, что он работает не на себя. Альтруизм предлагает нам такое же распределение ролей: один человек получает моральное право управлять действиями другого. «Неимущий» командует, имущий подчиняется.

Альтруизм — это призыв к рабству, к подчинению чужой воле. Альтруизм приковывает нас цепями к тем, кому мы должны помогать. Нам ставят ультиматум. От нас требуют не просто уважать право собственности, а *стать чужой собственностью*.

Мы считаем альтруизм добродетелью, но посмотрите, к чему он ведет.

Эта доктрина не имеет рационального основания. Никто не может доказать ее правомерность. Не существует ни одной логической предпосылки для того, чтобы человек добровольно согласился стать животным, отданным на заклятие.

Так почему альтруистическая этика властвует над нашими умами? Потому что эгоизм, являющийся антитезой альтруизму, повсеместно объявлен злом. И сделано это с помощью простейшего демагогического приема — так называемой логической уловки «Чучело».

ГЛАВА 2

УЛОВКА «ЧУЧЕЛО»

Каким вы представляете себе типичного эгоиста? Воображение услужливо рисует образ человека недалекого, жестокого, склонного к насилию и грабежу. Или же это отпетый мошенник, обижающий вдов и сирот. Одним словом, эгоист — это аморальный тип, который только и делает, что лжет, крадет и даже убивает ради корыстных целей.

Но на самом деле эгоизм — это всего лишь соблюдение личных интересов. Эгоист — это тот, кто стремится сделать свою жизнь лучше. Как быть со всеми этими людьми, которые живут обычной жизнью, стремясь украсить ее плодами своего труда *без всякого ущерба* для окружающих? Ведь таких «эгоистов» много. Они стоят на страже собственных интересов и не кормятся с чужой руки. Они сами зарабатывают себе на жизнь. Почтальон, сортирующий почту; студент, корпящий над учебниками вместо того, чтобы таскаться по тусовкам; спортсмен, выкладывающийся на тренировках, чтобы стать чемпионом; изобретатель, конструирующий гениальную мышеловку и мечтающий разбогатеть; художник, рисующий картину, чтобы отобразить свой взгляд на мир, — всех этих людей можно назвать эгоистами. Они делают свою жизнь *лучше*, двигаясь

к *собственной* цели. При этом они никого не используют. Они занимаются любимой работой, вступают в товарно-денежные отношения и при этом не отнимают чужие деньги. Именно такая модель поведения наиболее характерна для эгоиста.

Но поборники альтруизма не хотят, чтобы эгоистов считали всего лишь людьми, занимающимися своим делом и не приносящими никому вреда. И хотя между созидателями и разрушителями, например между Уорреном Баффеттом, который делает деньги, и Бернардом Мейдоффом, который их крадет, — дистанция огромного размера, границы намеренно размываются. Альтруисты водят нас за нос, прибегая к подмене понятий. Если вор аморален, значит, аморален любой, кто преследует личные интересы.

ЛОЖНАЯ ТРАКТОВКА ЭГОИЗМА

Апологеты альтруизма упорно пытаются записать в эгоисты даже Атиллу, вождя гуннов, поставив знак равенства между эгоизмом и тягой к уничтожению себе подобных. В толковых словарях об эгоистах не говорится ни одного доброго слова. Например, в Webster's New Collegiate Dictionary читаем: «Эгоист — человек, заботящийся исключительно о собственных удобствах, выгоде и т. д., *не учитывая чужие интересы или за счет других людей*». (Курсив мой. — Питер Шварц.) В основе этого определения лежит убеждение, что преследование личных интересов возможно только в ущерб другим. Получается, что у человека нет альтернативы: либо, будучи альтруистом, он приносит в жертву себя, либо, будучи эгоистом, требует жертв от других. Логическая уловка состоит в том, что рассматриваются только две крайности: с одной стороны — мать Тереза: смиренная и кроткая, посвятившая себя служению людям, с другой стороны — Атилла: кровавый убийца, которому все должны служить. Но к какой

из этих двух категорий отнести людей, которые сами решают свои проблемы, добиваются успеха и ни у кого ничего не просят? Для альтруистов эти люди просто не существуют.

Философы давно спорят об эгоизме. В Греции на закате классической античности было не так уж много сторонников эгоистического пути, но даже они соглашались с тем, что эгоисты — просто негодяи: они творят что хотят и ради достижения своих целей готовы переступить через любого. Фридрих Ницше, немецкий философ XIX в. и, наверное, самый яркий поборник эгоизма, отождествлял человеческую самость со стремлением властвовать над другими. Эгоизм по Ницше — «воля к власти», осуществляемая сверхчеловеками, рожденными, чтобы поработать остальных во имя «высших» целей. «Что есть добро?» — вопрошал он риторически и отвечал: «Все, что усиливает в человеке чувство власти, волю к власти, самую власть». Его герои — диктаторы Цезарь и Наполеон, стоящие «по ту сторону добра и зла»¹. Они идут вперед, движимые собственными помыслами, не заботясь ни о каких моральных соображениях.

Неудивительно, что этот апологет эгоизма заставил многих мыслящих людей отказаться от пути «самости» и согласиться с утверждением Томаса Гоббса, английского философа XVII в., что эгоизм ведет к неуправляемой жестокости и анархии. «Если два человека желают одной и той же вещи, которой, однако, они не могут обладать совместно, они <...> пытаются либо подчинить силой, либо уничтожить друг друга», — писал Гоббс. Если все будут думать только о личных интересах, окажется, что «человек человеку — враг», обреченный на жизнь «скотскую, короткую и одинокую, в бедности и печали»². Единственное, что способно сохранить общество в цивилизованном состоянии, утверждал Гоббс, — это абсолютная власть государства, способного обуздать бушующие в нас животные страсти.

Под влиянием христианства долгое время господствовали именно такие представления о человеке. Принимая идею

первородного греха и несовершенства человеческой природы, эгоизм считали проявлением низменных инстинктов. Считалось, что есть только один способ усмирить людские страсти, — заковать всех в цепи альтруизма. Олицетворением эгоизма был необузданный Атилла, который творил что хотел.

В середине XX в. забрезжила надежда на радикальный пересмотр подобных представлений. Айн Рэнд разработала философию объективизма и предложила новый взгляд на эгоизм.

Ее теория опирается на учение Аристотеля, который еще в IV в. до н. э. развивал тему разумного эгоизма. Философ утверждал, что добро — это то, что делает человека счастливым, если тот не переходит границ разумного. Впрочем, Аристотелю не удалось исчерпывающим образом доказать правильность своих суждений и предложить объективные критерии счастья.

Этика эгоизма, разработанная Айн Рэнд, тоже опирается на представления о человеке как существе разумном. Но Рэнд пошла дальше. Прежде всего, она выявила факторы, обуславливающие потребность человека в моральных ценностях, и показала прямую связь между категориями долженствования и бытия, т. е. что понятие «благо» не существует само по себе, но неразрывно связано с понятием «жизнь». Соответственно, Рэнд утверждала, что представления о добре и зле могут существовать только у живого организма — у существа смертного, которое должно действовать для выживания и самовоспроизводства. Таким образом, критерий «блага» — это сама жизнь: то, что способствует ее продолжению, — добро, а то, что ей угрожает, — зло³.

Я не стану подробно останавливаться на описании этической системы Айн Рэнд. Суть в том, что она предложила свежий взгляд на природу личных интересов.

РАЗУМНЫЙ ЭГОИЗМ

Что включает в себя понятие «личные интересы»? Вряд ли оно сводится к удовлетворению любого из наших желаний. В конце концов, кто-то становится наркоманом, алкоголиком, мазохистом или серийным убийцей, — можно привести массу примеров того, как человек что-то делает себе во вред. Если мы едим что хотим, это еще не значит, что наш организм получает нужные питательные вещества. Жизнь диктует свои законы, и приходится считаться с *объективной* реальностью. Хотим мы того или нет, одни действия отвечают нашим интересам, а другие — нет.

Что же должен делать человек, чтобы выжить? Рэнд говорит, что он должен слушаться голоса разума. Способность к выживанию не заложена в человека от природы, как в животного. Умение выращивать хлеб, строить дома и лечить болезни — не врожденные навыки. Как понять, что вредно, а что полезно? Только с помощью разума. Чтобы выжить, нужно *мыслить*. Каждый наш поступок сопряжен с выбором: либо мы осмысливаем и объективно оцениваем реальность, либо игнорируем ее и творим глупости. Если человек нуждается в пище, он не будет ждать манны небесной, а примется за работу, чтобы добыть себе пропитание. Если вы заболели, то обратитесь к врачу, а не к знахарке. Вы хотите сыграть в рулетку на все свои сбережения? Какой выбор вы сделаете? Прислушаетесь к голосу разума или советам астрологов («А вдруг сегодня счастливый день?»). Впереди у вас — целая жизнь. Вы все распланируете или будете плыть по течению, теряя драгоценные минуты? Рэнд дает подсказку: «Главным инструментом выживания является разум»⁴.

Мы можем *хотеть* что-то сделать, *надеяться*, что наш шаг окажется удачным, *бояться* поступить иначе. Но это эмоции, и они не отменяют необходимости *думать*, к чему приведет тот или иной поступок. Нежелание думать, когда эмоции

захлестывают нас, не давая расслышать голос разума, подсказывающего нам, что опасно садиться за руль в пьяном виде или что красть чужое грешно, — все это путь к саморазрушению. Мы действуем в своих интересах не тогда, когда слепо идем на поводу у собственных желаний, а когда твердо знаем, что наши желания разумны. Только подчиняя свои желания и цели голосу разума, мы можем быть уверены, что соблюдаем личные интересы, т. е. правильно оцениваем реальность и действуем не во вред себе.

Быть беспечным — значит пренебрегать собственным благополучием. Сегодняшние атиллы с их неумным своеволием в конечном счете наносят себе колоссальный вред. Быть эгоистом — разумно. А быть разумным — это знать главное правило: думай и поступай так, как подсказывает здравый смысл. В отношениях с людьми разумный эгоист не станет прибегать к грубой силе, потому что насилие неразумно. Не принуждение, а убеждение, не воровство, а взаимовыгодный обмен, — вот что имеет смысл.

Злодей типа Атиллы отвратителен не потому, что действует в личных интересах, а потому, что он неверно их понимает. Его безнравственность обусловлена не желанием действовать себе во благо, а заблуждением, что это благо требует грабежа и насилия. Разумный эгоист не станет отнимать у других плоды их труда, как и не согласится с тем, что у кого-то есть моральное право ограбить его самого.

Прекрасным примером разумного эгоиста является Говард Рорк, герой книги Айн Рэнд «Источник». Рорк — архитектор-новатор, бросающий вызов традиционным представлениям об архитектуре и руководствующийся исключительно собственными суждениями. Ценности, которые он отстаивает как в творчестве, так и в жизни, — плод долгих и мучительных раздумий. Из-за своей непримиримости Рорк наживает массу врагов. Ему всюду ставят препоны, с ним отказываются иметь дело,

над ним насмехаются. Ему буквально выламывают руки, предлагая сдаться, смириться и прислушаться к чужому мнению. Но Рорк, как истинный эгоист, стоит на своем.

В книге есть один весьма характерный эпизод. Рорк вдруг понимает, что ему не найти клиентов, — очень уж необычно выглядят его здания. Он уже задолжал за офис и квартиру, пришлось даже заложить часы. За телефон тоже не плачено, — скоро и его отключат. На банковском счете всего \$14. Остается последний шанс — получить заказ от крупного банка, если там одобряют проект. Архитектор долго над ним работал. Это должен быть пятидесятиэтажный дом в самом центре Манхэттена. И вот теперь каждый день наполнен мучительным ожиданием решения заказчика. Наконец, Рорка приглашают на беседу с руководителями банка. Тот с волнением ждет приговора. Проект готовы принять, но с одним условием. Владельцы банка боятся, что клиентам не понравится слишком смелое решение, и просят выполнить фасад в классическом стиле.

Рорк набирает полную грудь воздуха, чтобы объяснить, почему это невозможно:

Он говорил долго. Он объяснял, почему у здания не может быть классического фасада. Он объяснял, почему правильное здание, как и правильный человек, должно оставаться самим собой, должно быть цельным. Именно это составляет источник жизни, смысл существования любого предмета или существа, и поэтому, если хотя бы малейшая часть изменит целому, предмет или существо умирает. Он объяснял, почему добрым, великим и прекрасным может быть лишь то, что остается цельным.

Председатель прерывает его:

— Простите, мистер Рорк, но правление не станет вновь ставить этот вопрос на обсуждение. Решение не может быть

изменено. Я могу лишь попросить вас дать окончательный ответ: согласны ли вы принять заказ на наших условиях? <...> Вы все понимаете, мистер Рорк?

— Да, — ответил Рорк, опустив глаза. Он рассматривал эскизы.

— Итак?

Рорк не отвечал.

— Да или нет, мистер Рорк?

Рорк поднял голову и закрыл глаза.

— Нет, — сказал он.

Ошарашенный заявлением, один из директоров буквально умоляет Рорка хорошенько подумать:

— Это же безумие! — взвыл Вейдлер. — Ты мне нужен! Нам нужно твоё здание! Тебе нужен заказ. Надо ли проявлять такой фанатизм и самоотверженность?

— Что? — изумленно переспросил Рорк.

— Фанатизм и самоотверженность.

Рорк улыбнулся и посмотрел на свои эскизы. Чуть двинул локтем, прижимая их поближе к телу.

— То, что я сейчас делаю, — самый эгоистичный поступок, на который способен человек^{5 *}.

Вот что такое эгоизм. Рорк отказывается предать своё видение здания. Это *его* видение, и он не собирается пересматривать его только потому, что другие с ним не согласны. Цельность его творения для него превыше всего, и он не может отказаться от нее ради гонорара. Он хочет получать вознаграждение, создавая лишь такие здания, которыми мог бы гордиться. Быть эгоистом — значит относиться к своей жизни как к драгоценному

* Перевод Д.В. Костыгина. — Прим. ред.

дару, который следует принимать с радостью и благодарностью, а не смиренно передавать другим. Быть эгоистом — значит культивировать в себе лучшие человеческие качества и сохранять верность идеалам.

И после этого альтруисты смеют утверждать, что эгоизм — зло?

В итоге Рорк одерживает победу над косностью и становится известным архитектором. И он добивается этого не за чужой счет, а сам. Он не пользуется проектами соперников — он создает свои. Рорк не отступает, продолжая проектировать здания, которые нравятся ему самому. В конце концов появляются заказчики, способные оценить его работы. Рорк отчаянно сражается за счастье, прекрасно понимая, что его можно построить только собственными руками.

И после этого альтруисты смеют называть эгоистов эксплуататорами?

Впрочем, альтруисты не так просты. Они не говорят, что люди, подобные Говарду Рорку, — злодеи, ведь тогда пришлось бы признать существование разумного эгоизма, а им это невыгодно. Альтруисты не ищут аргументов, они просто искажают аргументы оппонентов, используя демагогическую уловку «Чучело» и подменяя смысл понятия «эгоизм» соломой собственных рассуждений. Они плетут околесицу, из которой якобы следует, что эгоизм — это когда хищники пожирают друг друга. Если следовать их логике, получается, что любое действие, предпринимаемое в своих собственных, а не в чужих интересах, безнравственно.

Мы формулируем свои представления о мире с помощью понятий. Но в нашем обиходе нет понятия «доброго» эгоизма. Определение, которое должно относиться к честным вершителям своих судеб, переносится на беспринципных захребетников.

Представьте, что произойдет, если начать жонглировать понятием «пища». Можно сказать, что пища — это то, что мы

кладем в рот и проглатываем. Да, но проглотить можно не только кусок мяса, но и яд. Те, кто привык воспринимать пищу как питание (т. е. как питательные и полезные продукты), окажутся в полном замешательстве. Перед ними встанет сомнительный выбор: съешь — умрешь от яда, не съешь — тоже умрешь, только от голода. В нашем случае имеет место такая же подтасовка: быть эгоистом — значит подчинять себе других, не быть эгоистом — значит подчиняться другим.

Аутентичное определение эгоизма («действовать в собственных интересах, подчиняясь голосу разума») ловко изъято из нашего лексикона. И это не просто ошибка альтруистов, — это самый настоящий подлог, чудовищное искажение фактов, в результате которого из языка исчезли понятия, которыми можно было бы оперировать при сравнении альтруизма с эгоизмом. Альтруизм всегда хорош, а эгоизм — плох. Отсутствует само поле для дискуссий о том, хорошо или нет быть эгоистом, — например, таким как Говард Рорк. Понятие разумного, творческого и независимого человека оболгано и вычеркнуто из нашего обихода.

ЭГОИЗМ ЛЮБВИ

Свою ложь альтруисты расцвечивают рассуждениями о том, что эгоист — существо равнодушное и бесчувственное, что его интересуют только деньги, что дружба и любовь несовместимы с преследованием личных интересов и что все эгоисты — заикленные на себе мизантропы. На самом деле личная заинтересованность может быть и материальной, и духовной. Посудите сами: тот факт, что у вас есть друг или любимый человек, дает вам массу преимуществ. Мы общаемся лишь с теми людьми, которые *нужны* нам. Мы любим лишь тех, кто *нам* дорог.

И если вдруг, наслушавшись альтруистов, вы вспылаете любовью к первому встречному (если такое вообще

возможно), — о, это будет *воистину* самоотверженный поступок! Возлюбить чужого, и тем более врага, — для этого требуется полное самоотречение. Но настоящая любовь всегда эгоистична. Ее не раздают направо и налево как милостыню. Только представьте себе: вы объясняетесь кому-то в любви не потому, что видите в любимом массу достоинств, а просто из жалости. Это же полный абсурд. Любовь не имеет ничего общего с благотворительностью. Мы любим потому, что данный человек для нас бесценен. И такая любовь доставляет бесконечную радость. Любить, желать прожить всю жизнь с человеком, который для нас олицетворяет все самое прекрасное на свете, — очень личный и *эгоистический* выбор. И только грубый и бессовестный альтруист способен все перевернуть с ног на голову, называя любовь и дружбу жертвенными отношениями.

Альтруисты извратили не только понятие «эгоизм». У них свое, особое представление о жертвенности. Что значит «пожертвовать»? Вряд ли это значит просто что-то кому-то отдать. Если мы даем продавцу в магазине деньги, чтобы купить продукты, это всего лишь сделка. При этом мы отдаем меньшую ценность (деньги) за большую (продукты). Жертвенный поступок означает нечто прямо противоположное: мы отдаем *большую* ценность в обмен на то, что вообще не представляет для нас ценности. Пожертвовать — значит понести убыток: именно поэтому альтруисты и считают жертвенность добродетелью. Если старшеклассника отвлекают от учебы, вынуждая мыть полы в школьной столовой, его заставляют приносить жертву. Если мать велит сыну отдать любимую игрушку сорванцу, который непременно ее сломает, — она требует от сына жертвы.

Простой рабочий, сующий пьяному бродяжке часть своего заработка (его вдруг взяло за живое, что кому-то живется еще хуже, чем ему самому), тоже приносит жертву. Можно привести в пример множество поступков, совершаемых в ущерб собственным интересам во благо других.

Дальше — больше. Отказ от сегодняшних удовольствий ради будущих благ альтруисты тоже называют самопожертвованием. Но если кто-то упорно трудится, чтобы стать выдающимся нейрохирургом или скрипачом, причем здесь жертва? Совершенно ни при чем. Напротив, распланировать свою жизнь так, чтобы в будущем получить максимальную отдачу (и в материальном, и в духовном смысле), — значит поступать как самый настоящий разумный эгоист. Пожертвовать ладью, чтобы взять ферзя, — не слабый, а, напротив, очень *сильный* ход. Вот если вы захотите сыграть в поддавки из жалости к слабому противнику, тогда такой шаг вполне можно будет назвать жертвой. Солдат, идущий на войну, когда враг перешел границу, не приносит никакой жертвы. Он просто защищает от агрессора *свою* свободу и *своих* близких. Но если его отправляют на край света с так называемой «гуманитарной миссией» (например, чтобы остановить межплеменную резню), его поступок можно назвать жертвой, потому что конфликт в далекой стране совершенно не затрагивает его личных интересов.

Альтруисты не видят разницы между совершенно разными поступками. Инвестиции в собственное будущее (сегодня ты откладываешь доллар, чтобы в будущем получить два) они называют самопожертвованием. Но ведь такая модель поведения в корне отличается от действительно жертвенного поступка, когда ты отдаешь свои два доллара навсегда, становясь «сторожем брата своему».

С точки зрения альтруистов, отказ от сиюминутных удовольствий ради будущих благ — жертва, а вот отказ от будущих благ в пользу сиюминутных удовольствий — эгоизм.

В газете читаем статью об одной футбольной команде, озаглавленную «Во всем виноваты эгоисты». Репортер спрашивает игроков о причинах огромного количества поражений в сезоне. В ответах постоянно звучит слово «эгоизм». «Пока одни ребята сидят дома и набираются сил, изучают план игры, прокручивают

на видео рабочие моменты, другие всю ночь шляются по барам и наживают себе неприятности». Этих балбесов «товарищи по команде считают эгоистами»⁶. Значит, напиться до посинения, чтобы на следующий день запороть игру, — это эгоизм, а сидеть дома, не притрагиваясь к спиртному, чтобы добиться победы, — самоотречение.

Компании, которые по собственной близорукости рубят сук, на котором сидят, обвиняют в эгоизме. Бизнесменов, пытающихся сэкономить на качестве товара и в результате теряющих клиентов и разоряющихся, считают корыстными. Атилла с его бездумной, без оглядки на последствия, погоней за наживой или его рафинированный брат Бледа с его безумными выходами сегодня считаются олицетворением эгоизма, — и это несмотря на то, что ложь и насилие возвращаются, как бумеранг, не служат личным интересам и не приносят благ в будущем. Зато, если ты уже сегодня начинаешь думать о дне завтрашнем и о будущих благах, если ты нацелен двигаться вперед и мыслишь рационально, — альтруисты скажут, что ты «жертвуешь собой».

На сегодняшний день не существует четких дефиниций важнейших понятий, связанных с нравственностью, а расплывчатые определения лишь усугубляют положение. Под эгоизмом понимают не заботу о личных интересах (понятие из области этики), а поведение варваров и проходимцев.

Жертвенностью считают не обмен некой ценности на то, что ценности не представляет, а отказ от сиюминутного удовольствия. Альтруизм не определяют как подчинение себя другим, а отождествляют с любовью и уважением. Увы, приходится признать, что в головах людей царит путаница, которая делает их беззащитными перед тиранией альтруизма.

На ключевой вопрос, почему заботиться о собственной жизни считается аморальным, а о чужой — высоконравственным,

альтруизм не дает никакого, пусть даже самого путаного ответа. Вместо этого альтруисты прибегают к уловке «Чучело». Человек-хищник — эгоист, говорят они, и вопрос о том, почему *истинный* эгоизм считается злом, повисает в воздухе.

Но если мы проявим настойчивость и попытаемся развеять туман, окутывающий наши представления о нравственности, мы вдруг увидим, что призывы к самопожертвованию не имеют под собой никаких логических оснований. Нет никакого оправдания ни физическому, ни моральному рабству. Нельзя привести ни одного убедительного довода в пользу того, что человек должен подчинить свою жизнь служению другим людям. Наша жизнь принадлежит только нам, и никто не имеет права посягать на нее.

Но если альтруисты не способны привести никаких разумных доводов в пользу своего подхода, на что же они опираются? Альтруизм ищет поддержку в области *иррационального*. Требовать жертвы во благо других — все равно что рассказывать сказки про загробную жизнь и про то, что воду можно превратить в вино. Тут мы имеем дело не с фактами и логикой, а с их противоположностью — слепой верой.

Понятие «альтруизм» было сформулировано французским философом XIX в. Огюстом Контom. Уж он-то прекрасно понимал смысл этого понятия, определяя его как «религию человечества». Обосновывая свой подход к этике, он писал о «фундаментальной и неопровержимой доктрине», которая заключается том, что «сердце должно служить уму»⁷. Его подход становится ясен из следующего высказывания: «Всякий постулат, претендующий на универсальность, может выводиться исключительно из области чувств»⁸.

Иными словами, нам предлагают стать альтруистами, руководствуясь не разумом, а чувствами. Наши представления о нравственности мы должны получать не эмпирически, а по наитию, не посредством знаний, а через веру, не потому, что в этом есть какой-то смысл, а *несмотря* на то, что его нет.